

О ЧЕМ МЫ ДУМАЕМ,
О ЧЕМ СПОРИМ

ИСКАТЬ, ВСЕГДА ИСКАТЬ

ВОЗМОЖНО, я бы и не взялся за перо, если бы не маленькая информация из Перми, помещенная в «Известиях». В ней сообщалось: на сцене Пермского театра проводится фестиваль, посвященный Чайковскому, в течение десяти дней исполняются все оперы и балеты великого композитора. Причем «Чародейка» празднует свое 150-е представление на пермской сцене, а «Мазепа» — сотое.

Грех сознаться, а зависть завала. Хотя не к лицу нам, ленинградцам, скромничать. У нас два театра оперы и балета: Театр имени С. М. Кирова, хранитель великих традиций русской и зарубежной классики, немало сделавший для рождения и развития советской оперной и хореографической культуры, и **Малый театр** — детские нашей советской эпохи, по справедливости называемый «лабораторией советской оперы». Но если первый театр гордится тем, что на его сцене получили жизнь «Иван Сусанин», «Русалка», «Борис Годунов», «Князь Игорь», «Пиковая дама», то другой — помнит гордые дни премьер «Тихого Дона», «Поднятой целины», «Юсас», «Леди Макбет Мценского уезда», «Комаринского мужика» и «Юда Броняна». На одной сцене состоялись

премьеры балетов Чайковского, «Раймонды», «Павильона Армиды», «Бахчисарайского фонтана», «Ромео и Джульетты», «Золушки», «Легенды о любви», «Спартак». А на другой сцене — «Минного жениха», «Юности», «Светлого ручья», «Двенадцати месяцев». А за ними — вечера **Мадэры** Стравинского и Вереля.

Что и не отвлекаться от избранно темы, вставив в сторону проблемы исполнительские, балетмейстерские, режиссерские, хотя, честно говоря, в них заложено множество самых привлекательных тем и поэт. Но основное должно быть отмечено: различия масштабов, количества штатных единиц в группах солистов, в хоре, оркестре, ассигнования на оформление спектаклей, наконец, уродливый зарплаты артистов всегда отличались в двух наших театрах. Это оказало свое влияние и на репертуар. В первом театре ставились более сложные и пышные спектакли, во втором — постановочные более скромные.

Существовала нигде не зафиксированная денарационная линия, разделяющая репертуар каждого из двух театров. Жизнь сама внесла свои коррективы, и линия смешалась то в одну, то в другую сторону, а с годами становилась все более пунктирной. Нет ничего странного в

том, что «Евгений Онегин» ставится в двух театрах (а если обратиться к афише Оперной студии Консерватории, то и в трех), «Легенды о любви», «Спартак». Не слышно колокольных звонов со дна озера, куда погрузился град Китеж. Печальное чудо произошло со «Снегурочкой». Она не растаяла от лучей Ярилы-Солнца, а так обветшала, так пропалывалась, что о снежной Белзине ее и вспомнить невозможно.

Этот счет утрат адресован здесь (и в дальнейшем) не по очереди одному или другому театру, а двум вместе. Речь идет о том, чего оба театра лишаются сотни тысяч зрителей-слушателей. Они, эти сотни тысяч, сравнительно недавно могли слушать единственную оперу Бетховена «Фиделио», вонзатическую легенду о «Летучем голландце». Не так уж много лет назад Маршеника и Елик, Кеця и Ващен пели пленительные мелодии, ари, дуэты, ансамбли «Продажной невесты». И сюжет, и великолепные мелодические потоки «Сицилийской вечерни» захватывали зал. Увы, и это в прошлом.

Вскоре после окончания войны Малый театр оперы и балета поставил творение С. Прокофьева — оперу «Война и мир». Стоя за дирижерским пультом,

новаторские черты которых привлекали и привлекают внимание многих композиторов двадцатого века, с восхищением изучавших смелые приемы письма их автора? В иносказательной форме сказки и сатиры обличалось русское самодержавие, его гурьость, жестокость, самодурство в «Золотом петушке», воспевалось стремление народа вырваться из ледяного все живое «Кашеява царства».

Давно не звучат «Псковитянка» и пролог к ней «Воярыня Вера Шелого». Не слышно колокольных звонов со дна озера, куда погрузился град Китеж. Печальное чудо произошло со «Снегурочкой». Она не растаяла от лучей Ярилы-Солнца, а так обветшала, так пропалывалась, что о снежной Белзине ее и вспомнить невозможно.

Этот счет утрат адресован здесь (и в дальнейшем) не по очереди одному или другому театру, а двум вместе. Речь идет о том, чего оба театра лишаются сотни тысяч зрителей-слушателей. Они, эти сотни тысяч, сравнительно недавно могли слушать единственную оперу Бетховена «Фиделио», вонзатическую легенду о «Летучем голландце». Не так уж много лет назад Маршеника и Елик, Кеця и Ващен пели пленительные мелодии, ари, дуэты, ансамбли «Продажной невесты». И сюжет, и великолепные мелодические потоки «Сицилийской вечерни» захватывали зал. Увы, и это в прошлом.

Вскоре после окончания войны Малый театр оперы и балета поставил творение С. Прокофьева — оперу «Война и мир». Стоя за дирижерским пультом,

сначала С. Самосуд, а после него Э. Грикуров раскрасив образы героев исторической эпохи со сцены. Ушла прокофьевская, толстовская «Война и мир». А вернется ли? Как это не просто!

На другой оперной сцене шла опера «Семен Котко». Шло «Обручение в монастыре», «Любовь и трем алмазам» и три балета Прокофьева: «Ромео и Джульетта», «Золушка», «Сказ о каменном цветке». Чем не Прокофьевский фестиваль? Осталось же от всего этого богатства, накопленного годами творческого труда, только «Золушка», «Сказ о каменном цветке» и «Обручение в монастыре». Тридцать четыре года назад на сцене Театра имени Кирова был поставлен балет «Ромео и Джульетта», одна из вершин хореографического театра, гордость Театра имени Кирова. Как случилось, почему, что мы, ленинградцы, смотрим только отрывки этого поразительного балета и только в юбилейные вечера великой Джульетты — Улановой. Говорят, что «Ромео и Джульетту» собираются возобновить. Отлично! Но сколько лет не звучала в этом зале впервые прозвучавшая здесь музыка!

Друзья советского балета с большой литературой — одна из замечательных традиций нашего хореографического искусства. Но так ли уж много балетов на сюжеты, на стихи Блока, Маяковского, Межелайтиса? В Малом театре — «Барышня и хулиган» — одна из крупнейших удач недавно умершего балетмейстера Константина Волжского. Киносценарий Маяковского

стал балетом. Но в Театре имени Кирова недолго жил талантливый по музыке (Б. Тищенко), по хореографии (Л. Якобсон), оформлению и исполнению балет «Двенадцать». Почему он покинул сцену? Вразумительного ответа на этот вопрос не услышишь. Как нет ответа на вопрос, почему «Страна чудес», балет с яркой музыкой И. Шварца, интересной постановкой, столь неизменно сошел с афиши.

Предвижу, что могут сказать: «Нужно многое учитывать и постановку сил в труппе, и реальные возможности исполнителей, и проблемы паяна и кассы». Нет, мы не найдем романтики, журучищающейся такой прозы, как «касса». Мы понимаем ее значение. Но мы понимаем и другое: нельзя оценивать явления культуры, явления искусства, рассматривая их через рассветное окошко. Талантливой может быть не только балерина, талантливым может быть и pianist, который должен так сквалитировать соотношения «кассовых» и «некассовых» спектаклей, чтобы дебет-кредит сошелся с прибылью, накоплением культуры, духовных ценностей каждого, кто пришел в театр. Плановый обязан помнить, что существуют закономерности, более сложные, чем арифметика, что в каждом виде искусства существуют «трудные» произведения — в литературе, в кино, живописи, музыке. Последние квартеты Бетховена — это не «Лунная соната», не «Элизав», даже не «Аппассионата»; «Калтерина Исамаилова», «Виринья» или «Ярская» требуют напряженного внимания и только тогда раскрывают свои

особенности и достоинства.

В наши дни балет «Ромео и Джульетта» — признанная классика. А вспомните, что говорились об этой музыке в дни премьеры! Сегодня балетный репертуар — это музыка, пролагающая пути в неизвестное, претворенная в пластические образы, часто вступающие в дискуссию с примычными представлениями о балете.

Недешево вспомнить, что слава пришла к русскому музыкальному театру тогда, когда он ставил не только Моцарта и Россини, но когда подружились со своими современниками — Глинкой, Даргомыжским, Мусоргским, Вагнером, Гуно, Дебюсси. Тогда сложился репертуар, шагнувший в наши дни. Поставить новую оперу, балет — поддела. Сохранить ее на годы в репертуаре — вот что всего важнее. Мы с трудом находим и с легкостью, а иной раз с облегчением теряем.

Самое важное в решении репертуарной проблемы — отречься от «текущих» и попробовать обозреть реальную панораму репертуара, проинспектировать карту двух жанров — оперного и балетного. Тогда особенно ясно станут репертуарные упущения. Тогда, может быть, и зависть нечем будет кормить. Не только в Перми, но и в других городах придут фестивали оперы и балетов Чайковского или Прокофьева. Тогда не будет репертуаров-двойников, не будут выпадать из репертуара ценнейшие завоевания, способные годы и годы обогащать духовный мир наших современников.

Леонид ЭНТЕЛИС.
ЛЕНИНГРАД.